

«До сих пор я пугаюсь кожаных чёрных высоких сапог и плащей. Я не выношу очередей и любого скопления людей.»

Frida Liebman 19.11.1927 - 2013

Интервью записано 05.06.1997.

Перевод с иврита Саши Галицкого 10-14.05.2011

Я родилась в Кракове в обычной семье, родители мои были нерелигиозные евреи.

Моя девичья фамилия Эдер. Папа был меховщик, у нас был свой магазин и мама ему помогала. Язык в семье был польский, на идише мы дома не говорили. У меня была старшая сестра Зося и старший брат Янек. Мы с сестрой ходили в обычную польскую гимназию, а брат Янек учился в еврейской — так он захотел. У нас дома жила помощница — мы её звали «няня». Она готовила и помогала маме нас воспитывать. На тяжёлую работу (стирку, глажку белья) мама брала ещё помощницу на один день. Няня жила с нами в семье. У нас были большие две комнаты в квартире. Когда началась война няня у нас уже не работала, было запрещено работать у евреев. Она очень любила моего брата Янека и предлагала родителям его спрятать у себя, в деревне. Она говорила, что надвигается что-то ужасное. Но родители не согласились, они не хотели разбивать семью. Вообще до войны я не чувствовала никакой неприязни к себе из-за того, что я еврейка. Я чувствовала себя полькой еврейского происхождения, так же как и моя старшая сестра Зося. Брат Янек чувствовал себя евреем больше, он как я говорила учился в еврейской школе. Так он захотел.

Когда началась война мне было почти 12 лет.

Сначала появились объявления в городе, что евреям запрещено учиться в школах. На левом рукаве надо носить такую специальную полосу и на ней шестиконечную звезду. Это было первое изменение в нашей жизни. До войны я успела закончить 5 классов. Второй удар был — запрещение евреям держать магазины. Родители были вынуждены отдать свой меховой магазин немцам. Папа перестал зарабатывать, в городе всё подорожало и мы почувствовали нищету.

Всё приходилось покупать на чёрном рынке.

Иногда тётя моего папы помогала нам с продуктами. Она жила в деревне, не была совсем похожа на еврейку и могла беспрепятственно приезжать в Краков на поезде.

Потом у нас в семье была идея убежать в Россию, как это сделали многие евреи с приходом немцев. Но почему-то родители на это не решились. Я думаю из-за того, что мы были очень привязаны к нашему дому, да и папа надеялся на перемены к лучшему.

Тогда мы ещё жили в своём доме. Родителям приходилось ходить на тяжёлые работы. Евреи делали самую чёрную работу в городе. Я помню бородатых стариков-евреев, подметающих улицы Кракова. Мы с сестрой не должны были ходить на эти работы, но мы ходили, чтобы помочь родителям. Охраняли евреев поляки. И тогда я вдруг узнала что такое ненависть к евреям. Польская полиция избивала евреев, особенно религиозных бородатых стариков. Их всячески унижали. Видеть это было невыносимо, и не раз я возвращалась домой после работы со слезами на глазах.

Так продолжалось несколько месяцев. Следующий немецкий указ был о переселении всех евреев Кракова в специальное гетто. Мы оставили свою квартиру, взяли необходимые вещи и пошли. Тогда ещё золото и серебро, драгоценности можно было как-то спрятать и взять с собой, но большие вещи — картины, например, мы оставили в оставленной квартире немцам.

Больше я нашу квартиру никогда не видела и не знаю, кто в ней поселился.

Гетто охраняла еврейская полиция с помощью немцев. Еврейская полиция была очень жестока к нам. Они были вооружены палками. Они хотели показать немцам свою лояльность. И евреи били евреев. Они следили и за порядком в гетто. Командовал еврейской полицией человек по фамилии Миллер. О его жестокости ходили в гетто легенды. Там была даже своя тюрьма. Мы продолжали ходить на работы. Обычно внизу, на воротах вывешивался список фамилий. Кто и куда должен явиться работать. Я ходила работать за папу и за маму.

Кто был в этой еврейской полиции? Простые люди из окраин, получившие вдруг «должность».

Забегая вперёд скажу, что это им не помогло. Незадолго до пересылки нас из лагеря Плашув в лагерь Аушвиц они все были убиты немцами. Они лежали возле дороги в ряд, и весь лагерь должен был пройти и смотреть на них. Тот, кто не смотрел получал удары палками. Вот смотрите, они лежат с дырками в головах, и это ждёт вас всех, — говорили нам немцы.

Но это было потом.

Пока что мы только зашли в гетто. Было очень тесно, наша семья жила в одной комнате. Потихоньку территория гетто сокращалась немцами, и в конце, перед отправкой, в этой комнате жило уже четыре семьи.

Помню приказ, вывешенный на дверях гетто. Это было наверное осенью 1941 года. Предписывалось всем девочкам, родившимся в 1927 году, явиться для осмотра. Было очень страшно. Нас повезли куда-то на немецкой машине, раздели догола. Делали какие-то проверки — рост, вес, размеры и строение челюстей. Все врачи были в белых халатах. Наверное это надо было им для статистики. Помню, как счастлива я была вернуться домой, в гетто.

В нашей общей на четыре семьи комнате, в которой мы жили, была и семья моей тёти. Её забрали в одну из акций. Остался её муж-электрик с совсем маленькой дочкой Аней. Ей было тогда около года. И дядя решил её спрятать, вывезти из гетто. Он работал вне гетто и ездил на велосипеде на работу. Однажды он усыпил свою дочку, спрятал её в коробке с инструментами и увёз куда-то. Про это мы даже боялись говорить, это было табу. Чтобы никто не узнал.

Я не помню точных дат.

Было ужасно, ужасно.

Немцы освобождали гетто. Мы жили на третьем этаже. У другой семьи, тоже жившей с нами в одной комнате, была трёхмесячная девочка — их дочка. В коляске. Пришли немцы, СС. Они просто вытащили эту девочку из коляски и выбросили её в окно на наших глазах. Я вижу это как сейчас. Когда нас прикладами согнали с третьего этажа вниз, я помню её лежащую на тротуаре.

Этого я никогда не рассказывала своим детям, не могла.

Это сделали немцы. СС.

До сих пор я пугаюсь кожаных чёрных высоких сапог и плащей и не выношу очередей и любого скопления людей.

Нас погнали в лагерь Плашув.

Это был рабочий лагерь. При входе сразу забрали маленьких детей 6-7 лет. Нам не говорили, что их забрали убивать, но все уже знали. Мы пришли в своей одежде, с маленьким чемоданчиком вещей. Забыла сказать, что в Плашув я попала только со своей старшей сестрой. Папы, мамы и брата уже не было в живых. Они погибли при акциях ещё в гетто. Сначала, примерно год назад до уничтожения гетто, забрали брата, в первую акцию.

Родителей забрали позже. Тогда мы не знали, где они все. Надеялись, что они где-то работают. Потом, уже после войны, мы узнали о том, что это были транспорты прямо в лагерь смерти Белжец. Прямо в фабрику смерти посреди леса. Обо всём этом мы узнали потом, в конце войны, что они все погибли.

Тогда мы жили надеждой и надеялись, что брат спасётся.

Как проходили акции в гетто? Всех должны были выйти из дома на площадь с документами. Еврейская полиция искала спрятавшихся и следила за порядком. Основной критерий был возраст и все пожилые были сожжены.

Я хочу рассказать.

Рядом с гетто, в конце улицы между гетто и городом была аптека, которую держал поляк Адам Панкевич. Во время акции он спрятал в подвале аптеки несколько евреев и помог им потом выбраться из города. Я даже встретила потом после войны одного человека, которого он спас. Но тогда мы с сестрой не знали, что он помогает евреям. Сейчас в Кракове в его бывшей аптеке находится музей, он так и называется — «Апотека», по-польски. Моя подруга Мирьям Маккаби, тоже из Кракова, написала о нём книгу. Сейчас он уже умер.

В лагере каждый устраивался, как мог. Нам с сестрой помогал наш дядя, который работал в немецкой автомастерской. Он оставлял нам в условленном месте еду. Мы с сестрой работали на вязальных машинах. Заключённых избивали за любую провинность, ошибку. Клали на стол и били плётками. За кражу еды, за всё. Охрана лагеря была украинская и немецкая. Были такие, которые пытались бежать, пытались дать взятку украинцам из охраны. Таких либо вешали, либо забивали до смерти палками.

Правда моему дяде, работавшему в гараже, удалось устроить побег, подкупив водителя-украинца.

Однако судьба его сложилось трагически. Об этом я тоже узнала только после войны.

Перейдя через линию фронта на сторону русских, он был немедленно расстрелян.

Мы с сестрой болели в лагере, лежали обе в больничном бараке.

Врач д-р Гросс вылечил нас, конечно были и сердечные люди в этих условиях.

Но было много, очень много жестокости. Немцы, украинцы. Лагерь был сооружён на старом еврейском кладбище. И в конце, когда уже русские приближались, нас заставили зачем-то разрывать могилы и жечь трупы. Это было ужасно, все эти запахи. Я не могу с

точностью всё пересказать. Иногда мне кажется что это был страшный сон. Но это было в действительности.

Так продолжалось до 1944 года, пока нас не забрали в Аушвиц. Всех собрали на площади в колонну по четыре и погнали к составу. Мы уже знали, что такое Аушвиц и понимали, что это конец. Издалека видели трубы крематория. Ехали мы недолго, это небольшие расстояния. Краков — Аушвиц. Про поездку рассказывать не хочу, это было ужасно. Поезд въехал прямо в самые ворота лагеря Аушвиц, нас загнали в огромный барак и приказали сесть прямо на пол с вещами. Началась селекция. Приказали всем раздеться, была поздняя осень и было очень холодно. Я уверена, что среди немецких врачей был и д-р Менгеле.

Палками немцы показывали нам, куда идти.

Направо или налево. Было очень, очень холодно. Мне было тогда 15 лет. Когда нас послали в душевую и сверху полилась вода, а не пошёл газ мы поняли, что останемся в живых.

Одежда, которую я получила после душа, была ужасна. Какая-то майка, огромные старушечьи трусы и деревянные башмаки. Было очень холодно. Нас поселили в бараке, на нарах. Вместо матраца была солома.

Помню что около месяца мне пришлось быть в лагере Биркенау. Это был рабочий лагерь, а не лагерь смерти. Там мне поставили на левую руку номер. Я думала, что умру только от холода. Днём и ночью были проверки. Люди стали жестоки друг к другу, среди заключённых женщин была борьба за лишний кусок хлеба.

Я видела это всё сама. Не хочу вспоминать об этом.

Потом опять Аушвиц, с его оркестром из еврейских музыкантов у входа, нон-стоп играющих немецкие марши. Нас поселили в двух блоках, девушек 15-20 лет. Я была с сестрой, всё время она меня спасала. Она была мой ангел, всё время. В новых блоках неожиданно мы получили хорошие условия. Даже были уборные, душ. Впервые за несколько лет мы почувствовали себя чистыми. Оттуда каждое утро мы выходили на работы. Не могу понять, какой смысл был в этих наших работах. Мы перевозили на телегах огромные валуны на другое место. Или здоровенные деревья с корнями. Держались мы все вместе, группой из 6-8 девушек, ещё из Плашува.

Однажды мы проходили строем возле какой-то деревни и почувствовали запах пекарни, свежего хлеба. Как сумасшедшие мы бросились туда и нахватали хлеба. Хозяин не сказал нам ни слова. По дороге в лагерь мы давились этим хлебом, пытаюсь съесть как можно больше, а когда подошли к лагерю, нам пришлось выбросить всё, что осталось. Мы бы не прошли живыми проверку. И так нас избили палками за то, что мы нарушили порядок. Капо, наш начальник-украинец, сообщил что произошло по дороге. Избили так, что не было живого места.

Потом была «Дорога смерти» пешком до Маутхаузена.

Неделю мы шли. Обессиленных стреляли на месте.

Весна 1945 года.

Лагерь Берген-Берзен. Бараки. Голод. Тиф. Мы с сестрой тоже заболели тифом.

Я не знаю как выжила я, но моя старшая сестра Зося умерла. Умерла за две недели до прихода англичан.

Каждый день нас бомбили, и мы молились чтобы какая-нибудь бомба прекратила наши мучения и всё закончилось.

Я помню тот день, когда пришли англичане. Я с трудом уже двигалась, всё тело — ноги, живот, были опухшие. Появился танк. Помню рыдающего солдата-англичанина, смотрящего на меня. Он почему-то был один. Мы поняли, что спаслись. И тут англичане стали раздавать заключённым свои солдатские пайки, и это было ошибкой. Кто ел их пайки тот умер. Сколько подруг умерло у меня! Я почему-то не могла есть, только пила воду, много воды. Я весила меньше 30 кг.

Прямо на месте англичане создали больницу. Стали нас лечить, оставшихся в живых. Меня спрашивали, куда я хочу поехать? Вернуться в Краков? Нет, я не хотела туда. Я осталась одна, я была уверена, что никого из моей семьи не осталось в живых. Я хотела только одного — отомстить.

В конце концов я попала в Швецию, в Гётеборг, в лагерь переселенцев.

Мне было 18 лет. Все, кто видел меня начинал плакать. Скелет. 27 кг.

Постепенно мне страшно захотелось жить. Есть еду, танцевать, жить. Всё вокруг вдруг стало белым — сестры, чистота вокруг.

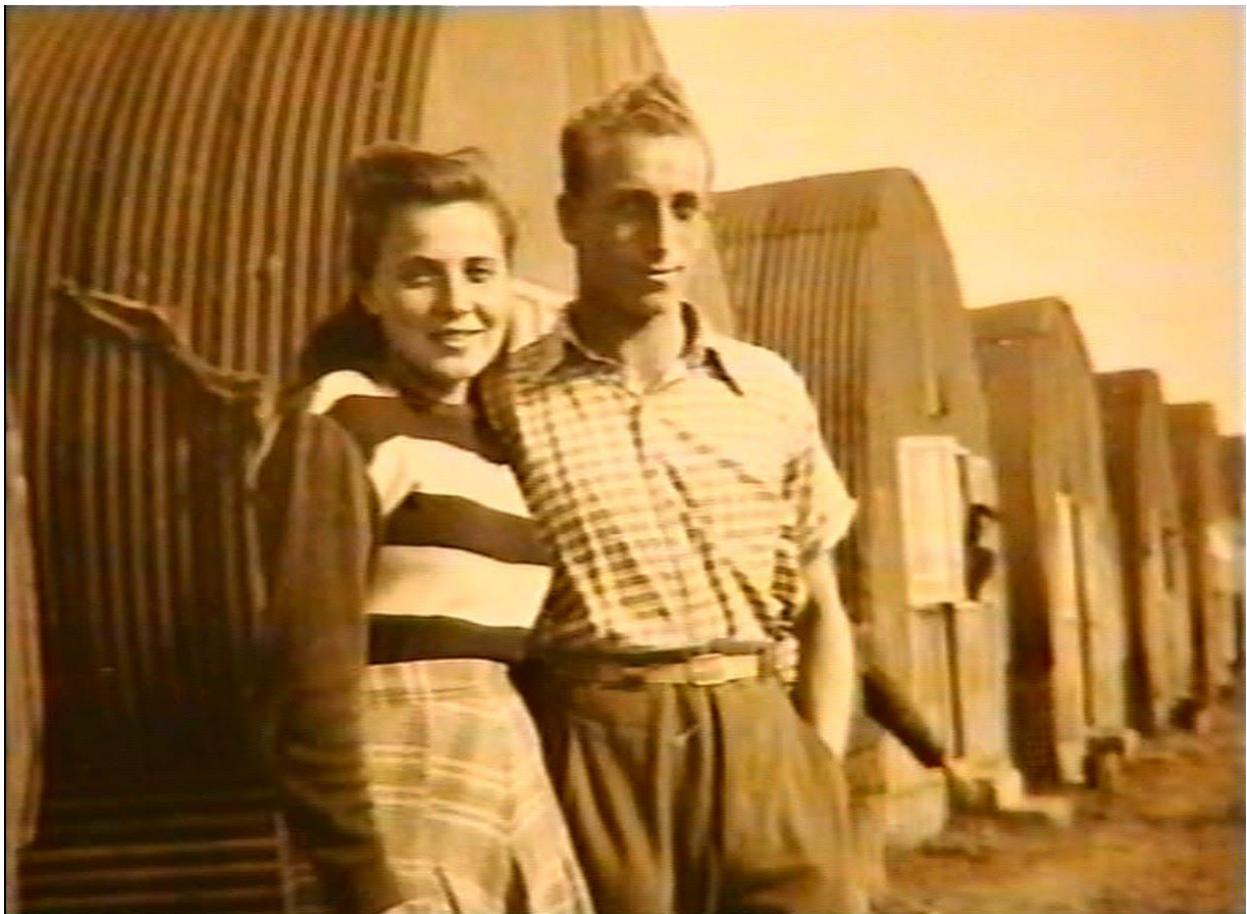
Так для меня закончился лагерь смерти.

Я даже успела немного поработать в Швеции на фабрике. Я попала в еврейский интернат на севере Швеции и нас стали готовить к переезду в Палестину. Мы учили иврит, математику. И на корабле мы поплыли в Палестину.

В пути мне повезло ещё раз. Был сильнейший шторм, он продолжался 3 дня, а наш корабль был переполнен. Но он выдержал этот шторм. У меня была возможность уехать в Америку, но я боялась быть одна. О Палестине я ничего не знала. Знала только, что там есть киббуцы и что там ходят в шортах. Больше ничего.

Но англичане не дали нам высадиться на берег. Был бой, мы швырялись в них консервными банками, но они пустили слезоточивый газ и захватили судно. Я тогда поранила левую ногу в этой схватке.

Нас пересадили на другое судно и отвезли на Кипр, в лагерь. Там я была около года. Я захотела выучиться на медсестру, пошла работать в роддом.

На Кипре я познакомилась со своим будущим мужем, и когда через год мы всё-таки оказались в Палестине, мы поженились.

Я тоже была в армии, связисткой. Мой муж был тяжело ранен в боях. Первая наша квартира была в Яффо, в оставленном арабском доме, на крыше. Специальности у мужа не было, и он работал кассиром в кинотеатре. А я работала медицинской сестрой. У нас родилась первая дочь. Потом мы переехали в другой район Тель-Авива, там муж как инвалид получил квартиру при помощи министерства обороны. Там родилась наша вторая дочь.

Почему мы переехали в Хайфу, на север? Мой муж с компаньоном купил там на железнодорожной станции буфет, там они и проработали более 30 лет.

Я не знаю, была ли я хорошая мать.

Я очень боялась за детей, когда они росли. Я не рассказывала своим детям о своём прошлом. Только когда был суд над Эйхманом, я рассказала старшей дочке.

Младшая в то время не хотела ничего знать.

Во сне часто я бегу куда-то со своими дочками и не могу нигде спрятаться. Сейчас я вижу тот же сон, но уже с внуками. Моя дочь боится поехать в Польшу.

Я хотела бы сейчас увидеть то место, где я выросла. Может, это был сон? Не знаю, не помню лица родителей.

Во сне иногда вижу наш дом в Кракове, но мне не дают туда зайти.

Я не с каждым могу сейчас подружиться, мне тяжело найти друзей.

Большинство моих подруг прошли через это.